

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ
ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

Д. С. ЛИХАЧЕВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА
«ПОВЕСТИ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ»
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV ВЕКА

Истинно художественное произведение создает образы, надолго входящие в сознание народа, обладающие особой властью, создающие прочные представления об эпохе, событиях или явлениях, которые они обобщают. К таким произведениям принадлежат и «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» весьма примечательна. Возникнув как произведение узкоместное, рязанское, в конце XIII или первой половине XIV в., оно включилось затем в общее развитие русской литературы, навсегда оставшись в ней одним из лучших художественных обобщений трагического для русского народа Батыева нашествия. Образы, символы, отдельные формулы этого произведения отразились в «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву», «Слове о жизни и преставлении царя русского Дмитрия Ивановича», «Сказании о Мамаевом побоище», «Степенной книге», «Русском временнике», «Повести об Азовском осадном сидении казаков» и др. Они остаются действенными и поныне. Поэтический перевод «Повести о разорении Рязани Батыем» на современный русский язык Ивана Новикова, повесть Д. Яна «Батый», повесть В. Ряховского «Евпатий Коловрат», «Повесть о приходе Батия на Рязань, о Евпатии Коловрате и князе Игоре Игоревиче» В. Васильева свидетельствуют о художественной действительности этого произведения и для современной советской литературы.

В настоящей статье рассматривается только самый первый этап в литературной истории «Повести» и ее традиций. В дальнейшем я предполагаю продолжить это рассмотрение.

1

Как известно, древнейший список «Повести о разорении Рязани Батыем» относится к сравнительно позднему времени — к XVI в. (ГБЛ, Волоколамское собрание, № 523). Это значительно затрудняет изучение текста повести и реконструкцию ее первоначального вида. Вот почему чрезвычайно существенно выявить отражение повести в древнейших памятниках.

До сих пор не обращало на себя внимания то обстоятельство, что одна из лучших летописных повестей конца XIV или начала XV в. — «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву», читающаяся в Новгородской

четвертой летописи под 1382 г., содержит ряд реминисценций из «Повести о разорении Рязани Батыем». Приведу эти реминисценции параллельно с текстом «Повести о разорении Рязани»:

Таблица сличений

«Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» (редакция Новгородской четвертой летописи)

1. и гнаша в след его неколико дний... и поидоша по дорозе его с тцаниемь, и постигоша его близ придел Рязаньския земля (стр. 327; в Софийской первой летописи: близ предел рязаньских)².

2. нача сбирати воя и съвокупляти полки своа (стр. 328).

3. безбожнии бо силою разбиша двери церковныя и сих мечи иссекоша (стр. 334).

4. многи монастыри разориша, и многи церкви раздрушиша; в святых церквах убийство сдеяша, и в священных олтарех кровопролитие сътвориша (стр. 334).

5. И бяше дотолє преже видети была Москва град велик, град чуден, град многочловечен, в нем же множество людѣи, в нем же множество огосподства, в нем же множество всякого узорочья; и паки в единомъ часе изменися видение его, егда взят бысть и посечен и пожжен, и нечего его видети, развеи токмо земля и персть, прах, попел, трупья мертвых многа лежаще, и святыя церкви стояще аки разорены, аки осиротевше, аки овдовевше [после изложения плача Церкви далее следует:] Все лежать, все уснуша и почиша, все посечени быша и избьени, усечениемь меча умроша; несть позвонение в колоколы ни в било, несть зовущаго ни текущаго, не слышати в церкви гласа поюща, ни слышати славословия и хвалословения, не бысть в церквах стихословия и благодарения; вѣистинну суета человеческаа и бысть мятеж человеческий; сие же бысть конец Московскому пленению. Не токмо же едина Москва взята бысть тогда, но и прочии гради и страны пленени быша (стр. 336—337).

6. Кто бо не възплачется таковоа погибели градныа? кто не жалуеть толика народа людей? Кто не потужить о селице множестве крестьян? кто не сетуеть сиеваго пленения и съкрушения? (стр. 338; далее — похороны мертвых).

«Повесть о разорении Рязани Батыем» (редакция основная А)¹

1. и сретоша его близ придел резанских (стр. 290).

И погнаша во след безбожного царя и едва угнаша его в земли Суздалстей (стр. 293).

2. и начаша совокупляти воинство свое и учредиша (стр. 289; в редакции основной Б: начаша совокупляти войско свое и укрепляти, стр. 310).

3. и приидоша в церковь собрѣную пресвятыа Богородици и великую княгиню Агрешену мать великаго князя, с снохами и с прочими княгинями мечи иссекоша (стр. 292).

4. А храмы божиа разориша, и во святых олтарех много крови пролиаша (стр. 292).

5. Сий бо град Резань и земля Резанская изменися доброта ея, и отиде слава ея, и не бе в ней ничто благо видети — токмо дым [и земля — редакция основная Б) и попел, а церкви все погореша, а великая церковь внутрь погоре и почернела. Не един бо сий град пленен бысть, но и инии мнози. Не бе бо во граде пения, ни звона, в радости место всегда плач творяще. Князь Ингварь Ингоревич поиде и где побьени быша братья его от печестиваго царя Батыа: великий князь Юрьи Ингоревич Резанской, брат его князь Давид Ингоревич, брат его Всеволод Ингоревич и многи князи месныа, и бояре и воеводы, и все воинство, и удалцы и резвцы, узорочие резанское. Лежаша на земли пуге, на траве ковыле, снегом и ледом померзаша, никим брегома. От зверей телеса их сиедаема, и от множества птиц разьстерзаемо. Все бо лежаша, купно умроша, едину чашу пиша смертную (стр. 296—297; далее следует плач Ингваря Ингоревича).

6. Кто бо не възплачетца толикна погибели, или хто не възрыдает о селице народе людей православных, или хто не пожалит толико побито великих государей, или хто не постонет, таковаго пленения? (стр. 296; далее — похороны мертвых).

¹ «Повесть о разорении Рязани Батыем» цит. по изд.: Д. С. Лихачев. Повести о Николае Заразском.— ТОДРЛ, т. VII. Л., 1949, стр. 257—406.— «Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» цит. по изд.: ПСРЛ, т. IV, ч. I. Новгородская четвертая летопись, вып. 2. Л., 1925.

² В основном списке Новгородской четвертой летописи стоящих в скобках слов нет; они дополнены по другим спискам. Софийская первая летопись цит. по изд.: ПСРЛ, т. VI. Софийские летописи. СПб., 1855.

Итак, связь «Повести о нашествии Тохтамыша» с «Повестью о разорении Рязани Батыем» несомненна. Какая же из этих повестей на какую повлияла?

Бесспорно, что «Повесть о разорении Рязани» древнее конца XIV в., иначе говоря, древнее и «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву». Сходные между обеими повестями места органически входят в состав «Повести о разорении Рязани», они не могут быть отнесены к элементам только внешнего оформления (в последнем случае можно было бы предполагать, что «Повесть о нашествии Тохтамыша» повлияла только на самое оформление «Повести о разорении Рязани» в конце XIV — начале XV в.).

Непосредственное наблюдение над текстом также с бесспорностью убеждает в том, что «Повесть о разорении Рязани» первична по отношению к «Повести о нашествии Тохтамыша». Текст «Повести о разорении Рязани», за исключением плача Ингваря Ингоревича, не повлиявшего на «Повесть о нашествии Тохтамыша» (о плаче Ингваря Ингоревича см. ниже), лишен каких бы то ни было элементов стиля времени второго южнославянского влияния. «Повесть о нашествии Тохтамыша» это влияние испытала и, в частности, одно место из «Повести о разорении Рязани» переработала именно в этом роде.

Мы не случайно выбрали для сличений с «Повестью о разорении Рязани» редакцию «Повести о нашествии Тохтамыша», заключенную в Новгородской четвертой летописи. Вместе с Софийской первой Новгородская четвертая летопись составляет особую группу летописей, от которой зависят многие другие русские летописи XV и XVI вв. Относительно более древний текст «Повести о нашествии Тохтамыша» читается в Симеоновской летописи и Рогожском летописце, отражающих несколько более ранний этап летописания. И вот зависимость «Повести о нашествии Тохтамыша» в редакции Новгородской четвертой летописи от «Повести о разорении Рязани» осложняется тем обстоятельством, что более древняя редакция «Повести о нашествии Тохтамыша», читающаяся в Симеоновской летописи и в Рогожском летописце³, также уже испытала некоторое (гораздо меньшее) влияние «Повести о разорении Рязани». За исключением одного места, о котором будет сказано ниже, все реминисценции «Повести о разорении Рязани», имеющиеся в редакции «Повести о нашествии Тохтамыша» Симеоновской летописи и Рогожского летописца, читаются также и в редакции Новгородской четвертой летописи. Приведу эти реминисценции полностью по Симеоновской летописи:

и гнаша в след его, и переехаша дорогу его на Серначе и поидоша в след его, и постигоша его на Рязани (стр. 132; ср. № 1 в таблице сличений).

Людие христиане, сущии в граде затворишася в церквах зборных каменных. Татарове же силою разбиша двери церковныя и сих мечи изсекоша, а другиа оружием до конца смерти предаша, церкви сборныя разграбиша... (стр. 132, ср. № 3 в таблице сличений).

В церквах же и в олтарех убийство съдеаша и кровопролитья сътвориша окаянии, и святая места поганию оскверниша (стр. 132, ср. № 4 в таблице сличений).

Отшедшим же татаром и потом не по мнзех днех князь великий Дмитрий Ивановичь и брат его князь Володимер Андреевичь с своими бояры въехаша в свою очину в град Москву, и видена град взят и огнем пожжен, и церкви разорены, а людей мертвых множество безчисленое лежащих, и о сем зело съжалишася, яко расплакатися има (стр. 133; далее следует рассказ о похоронах мертвых; ср. № 6 в таблице сличений).

³ «Повесть о нашествии Тохтамыша» в Симеоновской летописи (ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913) почти полностью совпадает с повестью в Рогожском летописце. Незначительные разночтения указаны в издании Рогожского летописца: ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стр. 142—146.

В последнем примере сходство «Повести о нашествии Тохтамыша» с «Повестью о разорении Рязани» полнее, чем в более поздней редакции Новгородской четвертой летописи. В этой последней летописи заимствование из «Повести о разорении Рязани» продолжается несколько дальше, чем в Симеоновской и в Рогожской. Сокращение заимствования — дело вполне обычное, но дополнение заимствования в новой редакции по старому источнику очень редко и требует объяснений.

Для того чтобы разобраться во взаимоотношении «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву» в обеих ее основных редакциях с «Повестью о разорении Рязани Батыем», необходимо в первую очередь сравнить тексты обеих редакций «Повести о нашествии Тохтамыша» и выяснить, как они относятся друг к другу. Данные этого сравнения показывают, что перед нами отнюдь не две самостоятельные повести, как это считалось некоторыми исследователями⁴, а одна повесть, но в двух редакциях. Текст повести в Новгородской четвертой летописи в три раза превосходит размером текст повести в Симеоновской летописи (и, разумеется, в Рогожском летописце). Но при этом текст повести Новгородской четвертой летописи почти целиком сохраняет в своем составе текст повести Симеоновской летописи, которая составляет как бы сюжетный костяк повести в Новгородской четвертой летописи. При всех иных условиях мы могли бы предположить, что Новгородская четвертая летопись присоединила к первоначальному рассказу о нашествии Тохтамыша какой-то другой, существовавший отдельно. Однако редакция Новгородской четвертой летописи не знает дублировок⁵, не знает типичных для всякого рода соединений самостоятельных повествований явлений. Перед нами простое расширение предшествующего текста, выполненное при этом, по-видимому, самим летописцем, дополнившим и развившим от себя предшествующий летописный текст, а не соединивший его с каким-то другим самостоятельно существовавшим произведением о тех же событиях.

В одном случае вставка текста сделана при помощи соединительной фразы («Сим же тако бывающим...»; стр. 332). Иногда вставки искусственно разрывают связный текст. При переделке повести появились и некоторые неполадки. Так, например, в Симеоновской летописи сказано, что Остея убили «перед сны града» (т. е. перед его валами; стр. 132), в Новгородской четвертой малопонятное, «сны» заменено на «враты»: Остея убивают «перед враты града» (стр. 332). Искажен в Новгородской четвертой и счет денег, выплаченных князем Дмитрием Ивановичем за уборку трупов. В Симеоновской летописи сказано: «и даваста от 40 мертвецъ по полтине, а от 80 по рублю» (стр. 133), а в Новгородской четвертой счет иной и неверный: «и даяста от 40 по полтыне, а от 50 по рублю» (стр. 338).

⁴ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 192, раздел «Повести о Тохтамышевом разорении» (впрочем, термин «повести» употребляется М. Н. Тихомировым условно; в дальнейшем они называются и повестями, и сказаниями).

⁵ В основном списке Новгородской четвертой летописи князь Остея убивают дважды: один раз — перед городскими воротами, вторично — во время крестного хода, вышедшего навстречу татарам: «прежде всех убьен бысть князь их Остей пред градом» (стр. 332). Однако дублировки текста другим рассказом в данном случае определить нельзя: в некоторых других списках слова «всех» нет и текст следует понять так, что Остей был убит раньше («прежде»). Именно это последнее чтение и следует принять за древнейшее. Такое понимание подтверждается и текстом Софийской первой летописи, где, как мы уже сказали, «Повесть о нашествии Тохтамыша» читается в той же редакции, что и в Новгородской четвертой: «князь Остей прежде того убиен бысть пред градом» (ПСРЛ, т. VI. Софийские летописи. СПб., 1855, стр. 101). Следовательно, вторичная смерть Остей в некоторых списках Новгородской четвертой (а от нее и в других поздних летописях, в том числе, например, и в Ермолинской) является результатом простой небрежности переписчиков, а не соединением двух произведений, дающих две разные версии одного и того же события.

Вторичность текста Новгородской четвертой летописи не подлежит, следовательно, сомнению.

В основном вставки в текст предшествующей редакции (читающейся в Симеоновской летописи) касаются в новой редакции внутренних событий, разразившихся в городе. Любопытно, что описание городских волнений в Москве сделано не без влияния новгородских летописей, где эти описания достигают значительного мастерства и некоторой устойчивости в формулировках.

Идейная сторона переделки «Повести о нашествии Тохтамыша» также не противоречит тому положению, что перед нами не отдельно составленные повести, а обычное летописное повествование, текст самой летописи, составленной летописцем и летописцами развиваемый.

Для идейной стороны переделки «Повести о нашествии Тохтамыша» в Новгородской четвертой летописи отметим похвалы московским купцам, находившимся во время начала военных действий Тохтамыша в Болгарах. Они названы «доброхотами», «поборниками» земли Русской (стр. 328). Именно они предупреждают великого князя о движении татар на Москву (стр. 327). В числе лиц, находившихся в Москве во время осады, опять упоминаются они же: «сурожане, суконники, и прочьи купцы» (стр. 329), «добрии люди» (стр. 330). Суконник Адам (очевидно, купец, а не ремесленник, поскольку перед этим говорилось о суконниках-купцах) совершает подвиг, пронзив стрелой сердце некоего «нарочитого» и «славного» татарина (стр. 332). В числе ограбленных опять-таки упоминаются «купцы, яже суть богатии людье» (стр. 334; в Софийской первой дается разъяснение к этому месту: «сурожани, суконници»; стр. 102). Сетуя и ужасаясь как завзятый купец, подсчитывает автор второй редакции, «убытки и напасты и прѣторы» (стр. 338).

Это отношение к московским купцам составляет оригинальную особенность второй редакции повести⁶.

Кроме того, следует отметить, что в дополнениях к повести в Новгородской четвертой летописи заключаются те же идеи, что и в других местах московского летописания начала XV в.: «не хотяще Тахтамышь, дабы кто принесл весть на Русь о его приходе, того бо ради вси гости руския поимани быша и пограблени и удръжани, дабы не было вести Руси» (стр. 327 — 328); «ведяше же рать внезапу, из невести, умением тацемь же злохитриемь, не дающе вести преди себе, да не услышано будеть на Руси устремление его» (стр. 327). Ср. в Симеоновской летописи под 1368 г. характеристику Ольгерда: «И ведяше я (рать.—Д. Л.) втаю. Обычай бо бе Олгерду: егда куде придыше на войну, тогда убо никому же не ведущу, по ни воином его, еже камо хочеть ити ратью, ни иже иным оуришным или внешним или иноземцем или гостем, яко не дасть уведати на кого идеть,

⁶ Речь может идти именно о сочувствии купцам, но отнюдь не восставшему простому народу, как, однако, думает М. Н. Тихомиров. Последний пишет: «Бросается в глаза и явное сочувствие автора к восставшему народу» и отсюда делает вывод, что автор «возможно даже сам был горожанином» (М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 194). Между тем вот что пишет автор второй редакции об этих восставших горожанах: «гражаньстии людие възмятошася и въсколебашася, яко пьянии» (Новгородская четвертая летопись, стр. 328); «и бывши промежи ими распре велице» (там же); «и въсташа вечем народи мятежници, не добрии чловеци, людие крамолници; хотящих изыти из града не токмо не пуцааху вои из града, но и грабляаху; ни самого митрофолита постыдешася, ни боляр нарочитых не устрашишася, ни устрамишася седины старець многолетних...» и т. д. (там же, стр. 329). Даже самые защитные действия простых людей описываются в этой повести с крайним несочувствием: «И паки възлазяще на град, пьяни суще, шатахуся, ругающеся тотаром образом бестудным, досажаяще и некаа словеса износяще, исполнь укоризны и хулы» (там же, стр. 330). Сходный текст и в Ермолинской летописи.

да не услышана будеть дума его в ушью иноземцем, да не изыдеть весть си в ту землю, в нюже рать ведяше. И тако воюя, хитростью искрадываше Олгерд, мнози земли поимал и многа места, и грады, и страны попленил; не толма силою, слико умением воеваша» (стр. 108). Под 1377 г. летописец отмечает, что мордовские князья тайно подвели на русскую рать царевича Арашшу: «и внезапно из невести удариха на нашу рать в тыл, бьюще и колюще, и секуще без вести» (там же, стр. 119). Подобные же рассуждения о тайной рати встречаются и в «Повести об Едигее» 1409 г.: татары «в таине покрадають нас» (там же, стр. 155), «злехитрено мирують с нами» (стр. 156) и т. д.

Таким образом, идеи московского летописания, типичные для свода Кириана 1409 г.⁷, отразились главным образом во второй редакции повести, заключенной в Новгородской четвертой летописи, представляющей последующий этап летописания — свод Фотия 1418 г. Отсюда ясно, что летописец, переделывавший «Повесть о нашествии Тохтамыша», одним из образцов для себя имел предшествующую московскую летопись.

Из других идейных отличий первой редакции «Повести о нашествии Тохтамыша» от второй отметим критическое отношение к великому князю Дмитрию Донскому, осторожно выраженное в первой и несколько смягченное во второй. Это критическое отношение к Дмитрию Донскому в первой редакции «Повести о нашествии Тохтамыша» опять-таки связывается с «Повестью о разорении Рязани».

В самом деле. Последовательность литературных реминисценций из «Повести о разорении Рязани» в «Повести о нашествии Тохтамыша» в основном совпадает с ходом развития «Повести о разорении Рязани». Это объясняется отчасти тем, что сюжет обеих повестей и лежащие в их основе события до некоторой степени сходны. В этой связи важно отметить, что роль Дмитрия Донского в «Повести о нашествии Тохтамыша» по своему положению в ходе событий близка роли Георгия Всеволодовича Владимирского: первый отказывается оборонять Москву при вести о нашествии Тохтамыша, второй — Рязань при вести о нашествии Батыя.

Приведем оба текста, касающиеся этих отказов, параллельно:

«Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву» в редакции Симеоновской летописи

И прииде вьскоре весть на Москву. Князь же великий Дмитрий Ивановичь, то слышав, что сам царь идеть на него с всею силою своею, не ста на бой, ни противу его поднял руки, противу царя Тахтамышя, но поеха в свой град на Кострому (стр. 132).

«Повесть о разорении Рязани Батыем» в редакции основной А

И услыша великий князь Юрьи Игоревич Резанский приход безбожнаго царя Батыя, и воскоре посла в град Владимир к благоверному к великому князю Георгию Всеволодовичю Владимирскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыя, или бы сам пошел. Князь великий Георгий Всеволодович Владимирской сам не пошел и на помощь не послал, хотя о себе сам сотворити брань з Батыем (стр. 287).

Непосредственных, словесных совпадений между обоими текстами нет, однако общее положение обоих эпизодов в ходе событий сходно, и это говорит за то, что летописец, имевший перед своими глазами в качестве своего литературного образца «Повесть о разорении Рязани Батыем», не мог не осознавать получающегося при такого рода общем положении обоих отказов скрытого упрека Дмитрию Донскому. Во второй редакции «Повести

⁷ См. о рассуждениях подобного рода в кн.: Д. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 301—303.

о нашествии Тохтамыша» общее отношение к Дмитрию Донскому отнюдь не враждебное, хотя одним из героев, разбившим татар у Коломны, выступает все же не Дмитрий Донской, а Владимир Андреевич Серпуховской, находившийся к концу княжения Дмитрия Донского в размолвке с последним⁸.

Решительно изменено отношение к Дмитрию Донскому в Софийской первой летописи. Здесь редакция «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву» та же, что и в Новгородской четвертой летописи, но некоторые изменения существенны в идейном отношении.

В Новгородской четвертой летописи Дмитрий Донской думает думу с князьями «и с воеводами и з думцами и велможамы и с боляри старейши-ми» (стр. 328), а в Софийской первой только с князьями (стр. 99). Опущен в Софийской первой упрек русским князьям в том, что они не хотели «пособляти друг другу, и не извоблиша помагати брат брату» (стр. 328). Опущен упрек Дмитрию в трусости, имевшийся в Новгородской четвертой (а также, как мы видели, в Симеоновской): «и убояся стати в лице самого царя и не ста на бой противу его, и не подня руки на царя» (стр. 328). В отдельных случаях прибавляется титулование Дмитрия Донского: «великий князь» (стр. 103). Дважды опущено упоминание о мятеже в городе, хотя описание самого мятежа сохранено. Вместо упоминания в числе убитых «ч е р н ы х л ю д е й» (стр. 333) в Софийской первой сказано, что татары убили «б о я р и ч е с т н ы х л ю д е й» (стр. 101). Вместо «сотвориша вече» (стр. 329) говорится «и сташа суймом» (стр. 99). Все это — явные идеологические подновления текста. Однако в ряде случаев текст Софийской первой сохраняет отдельные более древние чтения. Так, например, плач церкви, неловко разрывающий заимствования из «Повести о разорении Рязани Батыем», в Софийской первой отсутствует и заимствование из «Повести о разорении Рязани» сохраняет свою первоначальную цельность.

Из приведенных материалов Новгородской четвертой летописи и Софийской первой видно, что оба текста «Повести о нашествии Тохтамыша» не зависят друг от друга, а восходят к третьему, сохраняя каждый по-своему этот первоначальный («третий») текст. Этим третьим текстом, учитывая общую генеалогию летописания XIV—XV вв., мог быть только свод Фотия 1418 г. (по М. Д. Приселкову; по А. А. Шахматову уже — 1423 г.), так как предполагаемый промежуточный свод 1448 г. был новгородским и московские материалы мог почерпнуть только из свода Фотия 1418 г. Что же касается текста повести, читающегося в Семеновской летописи и Рогожском летописце и, очевидно, бывшего в сгоревшей Троицкой летописи⁹, то в основе его несомненно лежит свод Киприана 1408 г.

Все остальные виды «Повести о нашествии Тохтамыша», читающиеся в других летописях, являются переработками или комбинациями двух первых редакций: основной в своде Киприана 1408 г. и ее распространения в своде Фотия 1418; причем не исключена возможность, что некоторые детали этих архетипных сводов могли сохраниться лучше в других летописях, чем в Симеоновской и Рогожской летописях, с одной стороны, и Новгородской четвертой и Софийской первой — с другой. Полное текстологическое исследование «Повести о нашествии Тохтамыша» — дело будущего. Для цели настоящей статьи достаточно было ограничиться общими данными истории летописания, поскольку мы выяснили, что отдельной «Повести о нашествии Тохтамыша» не существовало и летописцы, опи-

⁸ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, стр. 194.

⁹ В реконструкции текста Троицкой летописи «Повесть о нашествии Тохтамыша» восстановлена по Симеоновской летописи (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, стр. 422—423).

сывавшие события 1382 г., не выходили за пределы обычных приемов своей работы, а отчасти и общей направленности изложения.

Итак, «Повесть о разорении Рязани Батыем» была дважды использована в московском летописании первой четверти XV в.

Первый раз она была использована в своде Киприана 1408 г. Это использование сводом Киприана «Повести о разорении Рязани» должно быть сопоставлено с тем обстоятельством, что в том же своде была использована и рязанская княжеская летопись, доходившая в основном до 1402¹⁰. Не исключена возможность, что «Повесть о разорении Рязани» в составе всего цикла о Николе Зараском читалась именно в этой летописи, чем, может быть, объясняются имеющиеся в ней летописные приемы изложения¹¹ и использование в ней княжеского помянника¹².

Вторично «Повесть о разорении Рязани» была привлечена, как мы видели, в своде Фотия 1418 г. Как известно, свод Фотия в значительной мере использовал вторично и с большей полнотой те же источники, которые использовал и свод Киприана¹³. Следовательно, к числу источников (вернее, в данном случае к числу литературных образцов), дважды использованных в московском летописании начала XV в., следует причислить и «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Только этим путем и могло создаться такое редкое в истории текстов древнерусских литературных произведений положение, когда произведение на двух ступенях своего развития дважды подверглось влиянию одного и того же произведения, причем так, что имевшееся в первой редакции заимствование было дополнено (как бы наращено) во второй редакции его продолжением по оригиналу, послужившему источником заимствования и для первой редакции.

В событиях Тохтамышева нашествия, как известно, предательскую роль сыграл Олег Рязанский. И этой предательской роли Олега «Повесть о нашествии Тохтамыша» уделяет серьезное внимание, причем во второй редакции большее, чем в первой. Олег показал путь Тохтамышевой рати, указал татарам броды на Оке, но с изгнанием Тохтамыша Дмитрий Донской послал свою рать на Олега, захватил его землю и «сотворил ее пусту». «Пуцши ему бысть и тотарьския рати» (Новгородская четвертая, стр. 339) наставительно замечает летописец. Именно на этих словах заканчивается повествование о нашествии Тохтамыша на Москву. Не следует ли литературные реминисценции автора «Повести о нашествии Тохтамыша» в каком-то отношении сопоставить с этим напоминанием Олегу Рязанскому о татарской рати — нынешней и, быть может, прежней?

¹⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 131—132.

¹¹ «В лето 6730...»; «В лето 6732-ое»; «В лето 6733...»; «В лето 6745. Убиен бысть...»; «В лето 6745...»; «Благоверный во святом крещении Козма сяде на столе отца своего великаго князя Игоря Святославича. И обнови землю Рязанскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришелцы утеша, и люди собра. И бысть радость християном, их же избави бог рукою своею крепкою от безбожнаго зловернаго царя Батыя. А Кир Михайло Всеволодовича Пронского посади на отца его отчине» (Д. С. Лихачев. Повести о Николе Зараском.— ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 282, 283, 287 и 301).

¹² Д. С. Лихачев. Повесть о разорении Рязани Батыем.— В кн.: «Воинские повести древней Руси». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949, стр. 141.— В этой же статье см. о связи цикла повестей о Николае Зараском с летописанием — новгородским и рязанским.

¹³ В согласии с выводами А. А. Шахматова М. Д. Приселков пишет: «Иных летописных материалов у сводчика 1418 г., против свода 1408 г., мы не видим. Особенно это ясно при изложении событий XIV в. Здесь налицо все те же летописцы, с которыми имел дело и сводчик 1408 г. Правда, материал этих летописцев в новом своде значительно увеличен рядом новых извлечений из них» (М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 145).

Отметим, что среди использованных в «Повести о нашествии Тохтамыша» текстов «Повести о разорении Рязани Батыем» отсутствуют две части последней: похвала роду рязанских князей и плач Ингваря Ингоревича, наличные в обеих дошедших до нас древнейших редакциях «Повести о разорении Рязани» (в редакции основной А и в редакции основной Б обоих видов).

Именно эти части «Повести о разорении Рязани Батыем» имеют общие точки соприкосновения со «Словом о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», помещенном в той же Новгородской четвертой летописи и в ряде других.

Как уже было отмечено А. И. Соболевским¹⁴ и В. П. Адряпановой-Перетц¹⁵, общие места имеют плач Ингваря Ингоревича и плач вдовы Дмитрия Донского Евдокии. Приведем оба плача параллельно:

Плач Евдокии по Новгородской четвертой летописи

Ведев же его княгини мертва, на постели лежаща, въсплакася горкым гласом, огненныя слезы от очию испущающе, утробою распалающе, в перси своя рукама бьюще, яко труба рать поведающе, яко ластовица рано шепчюще, и органы сладковещающе и глаголюще: Како умре живот мой драгий, мене едину въд[о]вою оставив? Почто аз преже тебе не умрох? Како заиде свет от очию моею? Где отходиши, скровище живота моего? Почто не промолвиши ко мне, утроба моя, к жене своей? Цвете прекрасныи, что рано увядаеши? Виноград многоплодный уже не подает плода сердцу моему и сладости души моей. Чему, господине мой милый, не въззриши на мя? Чему не промолвиши ко мне? Чему не обратиши на постели своей? Ужели мя еси забыл? Что ради не зриаеши на мене и на дети мои? Чему им ответа не даси? Кому ли мене приказываеши? Солнце мое, рано заходиши; месяц мой красный, скоро погибаети; звезда восточная, почто к западу грядеши? Царю мой милый, како прииму тя, како ты обоуму, или како ти послужю? Где, господине, честь и слава твоя, господство твое? Господин всей земли Руской был еси, ныне мертв лежиши, никим же владееши; многы страны примирил еси, ныне же смертию побежен еси, изменися слава твоя, и зрак лица твоего превратися в истление. Животе мой, како намилуюся тебе, како повеселуюся с тобою? За многоценныя багряница худыя сна и

Плач Ингваря Ингоревича в «Повести о разорении Рязани» (редакция основная А)

Видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно възкричаша, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий орган вещающе (стр. 295—296).

И видя князь Ингварь Ингоревич великия трупиа мертвых лежаща, и възкрича горько велием гласом, яко труба распалаея, и в перси свои рукама бьюще, и ударяшеса о земля. Слезы же его от очию, яко поток, течаше и жалосно вещающе:¹⁶ О милая моя братья и господине! Како успе животе мои драгии! Мене единого оставиша в толице погибели. Про что аз преже вас не умрох? И камо заидесте очию моею, и где отошли есте скровища живота моего? Про что не промолвите ко мне, брату вашему, цветы прекрасныи, винограде мои незрелыи?¹⁷ Уже не подаете сладости души моей! Чему, господине, не зрите ко мне — брату вашему, не промолвите со мною? Уже ли забыли есте мене, брата своего, от единого отца роженного, и единые утробы честного плода матери нашей — великие княгини Агрены Ростиславне, и единым сосцом вздоеных многоплодного винограда? кому приказали есте меня — брата своего? Солнце мое драгое, рано заходящее, месяци красныи, скоро изгибли есте¹⁸; звезды восточныи, почто рано зашли есте?¹⁹ Лежите на земли песте, ни ким брегома, чести-славы ни от кого приемлемо! Изменися бо слава ваша. Где господство ваше? Многим землям государи были

¹⁴ А. И. Соболевский. К слову о полку Игореве. «Известия по РЯС», т. II, кн. I. Л., 1929, стр. 177—182.

¹⁵ В. П. Адряпанова-Перетц. Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго.— ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 78—81.

¹⁶ Ср. в редакции основной Б: «Видя же то князь Ингварь Ингоревич, и возопи горкым гласом, велми ревый, слезы от очию испущающе, яко струю силу, утробою распалающе, в перси рукама бьюще и гласом же, яко труба рати поведающе, яко орган слатко вещающе» (стр. 317).

¹⁷ В редакции основной Б: «многоплоднии» (стр. 317).

¹⁸ В редакции основной Б: «месяц мой красный, скоропогибший».

¹⁹ В редакции основной Б, дополнительно: «Где, господине, честь и слава ваша?»

бедныя ризы приемлши; не моего наряда одение на себе въздеваеши и за царскый венец худым сим платом главу покрываеши, за полату красную гроб сий приимаеши. Свете мой светлый, чему помрачился еси? Гора великая, како погыбаеши? Аще бог услышит молитву твою, помолися о мне, княгини твоей; вкупе жих с тобою, вкупе ныне и умру с тобою; уность не отиде от нас, а старость не постиже нас; кому приказываеши мене и дети свои? Не много, господине, радовахся с тобою; за веселие печаль и слезы приидоша ми, за утеху и радость сетование и скорбь яви ми ся. Почто родихся и, родився, преже тебе како не умрох, да бых не ведала смерти тво[е]я, а своя погибели? Не слышиши ли, князь, бедных моих словес? Не смилят ли ся моя горкая слезы? Крепко еси, господине мой драгий, уснул: не могу разбудити тебе; с которыя воины еси пришел? Истомилъся еси велми; звери земнии на ложи свои идутъ, а птица небесныя ко гнездом своим летять, ты же, господине, от своего дому не красно отходиши. Кому уподоблюся, како ся нареку? Вдова ли ся нареку? не знаю аз сего; жена ли ся нареку? остала есмь царя. Старыя вдовы, потешайте мене, а младыя вдовы, поплачите со мною: вдовыя бо беда горчае всех людей. Како ся въсплачу или како възглаголю? Великий мой боже, царь царем, заступник ми буди; пречистая госпоже богородице, не остави мене, в время печали моя не забуди мене... Слыши, небо, внуши земли! Како въспевшу ти и како възглаголю о преставлении твоём? От горести душа язык связается, уста заграждаются, гортань премолкает, смысл изменяется, зрак опустевает, крепость изне[мо]гается; аще ли промолчу, нудить мя язык яснее рещи (стр. 358—360).

А. И. Соболевский, впервые отметивший сходство плача Евдокии и плача Ингваря Ингоревича, счел плач Евдокии переделкой плача Ингваря, не приведя никакой аргументации. Он писал: «С „плачем“ рязанского князя представляет очень много общего „плач“ вдовы Дмитрия Донского по умершем муже. Текст „Слова о Дмитрии Донском“ приспособлен к московской обстановке; тем не менее одни и те же выражения, фразы в обоих плачах бросаются в глаза. Можно сказать: московский „плач“ — переделка рязанского»²⁴.

Против этой точки зрения высказалась В. П. Адрианова-Перетц, приведшая и доказательства обратной зависимости, именно: плача Ингваря Ингоревича от плача Евдокии. В. П. Адрианова-Перетц справедливо отмечает, что гиперболическое описание горя²⁵ отвечает стилистической

²⁰ В редакции основной Б: «Свете мой светлый».

²¹ В редакции основной Б, дополнительно: «уность бо не отиде от нас, а старость не постиже нас».

²² В редакции основной Б, дополнительно: «господине».

²³ В редакции основной Б, дополнительно: «гортань премолкает, смысл изменяетца».

²⁴ А. И. Соболевский. К слову о полку Игореве, стр. 181.

²⁵ В. П. Адрианова-Перетц делает ссылку на следующее место плача Ингваря: «Видя же те князь Ингварь Ингоревич и возопи горьким гласом, велми ревыи, слезы

есте, а ныне лежите на земли пусте, зрак лица вашего изменися во истлении. О милая моя братиа и дружина ласкова, уже не повеселюся с вами! Свете мой драгий²⁰, чему помрачились есте? Не много нарадовахся с вами!²¹ Аще услышит бог молитву вашу, то помолитесь о мне, о брате вашем, да вкупе умру с вами. Уже бо за веселием плач и слезы придоша ми, а за утеху и радость сетование и скорбь яви ми ся! Почто аз не преже вас умрох, да бых не видел смерти вашей, а своя погибели. Не слышите ли²² бедных моих словес жалостно вещающа? О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною! Како нареку день той, или како возпишу его — в он же погибе толико господарей и многие узорочье рязанское храбрых удалцев. Ни один от них возвратися вспять, но вси равно умроша, едину чашу смертную пиша. Се бо в горести души моя язык мой связается, уста загражаются²³, зрак опустевает, крепость изнемогает (стр. 297—298).

манере XV в., но мало вероятно в памятнике XIII в. Заимствование из плача Евдокии выдают в плаче Ингваря и отдельные неприиспособленные к требуемому смыслу двойственному числу выражения — более уместные в плаче Евдокии, чем в плаче Ингваря²⁶.

Отметим попутно, что этих несоответствий в числе гораздо больше в редакции основной Б «Повести о разорении Рязани», чем в редакции основной А. Редакция основная Б ближе плачу Евдокии, чем редакция основная А, и в ней поэтому больше несообразных со смыслом плача Ингваря отдельных мест: в частности, — употребление по отношению ко многим убитым звательного единственного числа «господине» (трижды), единственного числа «месяц мой красный, скоропогибший» (в редакции основной А единственное число заменено на множественное: «месяцы красныи, скоро изгибли есте»).

Плач Евдокии имеет много параллелей в литературных памятниках XV—XVII вв.²⁷ Теоретически можно было бы предположить, что плач Ингваря Ингоревича восходит не к плачу Евдокии «Слова о житии и о преставлении», а к какому-то другому, неизвестному нам плачу, вероятнее всего, вдовьему, из которого явился и плач Евдокии. Это предположение тем более правдоподобно, что плач Евдокии своими народными элементами резко выделяется в «Слове о житии и преставлении» и некоторые списки этого «Слова» (в частности, тот, что находится в составе Никоновской летописи) не имеют плача Евдокии, что как будто бы позволяет предполагать его вставное происхождение.

Тем не менее есть один признак, по которому мы можем безошибочно определить зависимость плача Ингваря именно от плача Евдокии в составе «Слова о житии и преставлении». В плаче Ингваря имеется одно очень странное место, до сих пор не обращавшее на себя внимания исследователей: Ингварь говорит: «Како нареку день той, или како възлишу его» (стр. 298). Непонятно, каким образом любители легких атрибуций не приписали авторство всей «Повести о разорении Рязани» князю Ингварю Ингоревичу: он единственный из князей рязанских остался в живых, он от своего лица описывает, как очевидец, поле, усеянное трупами, он оплакивает рязанских князей и он же пишет о себе в первом лице «како воспишу», т. е. прямо указывает на себя как на лицо, собирающееся описать события. Дело, однако, объясняется проще: автор плача Ингваря Ингоревича, переделывая плач Евдокии, не знал, где ему остановиться, и, перешагнув через плач, заимствовал часть своего материала из самого «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича»: «Слыши, небо, внуши земли! Како възспешу (в Софийской первой: «како възспишу») ти како възглаголю о преставлении твоём? От горести душа язык связается, уста заграждаются, гортань премолкает, смысл изменяется, зрак опустевает, крепость изнемогает; аще ли промолчу, чудить мя язык яснее рещи» (стр. 360); весь этот текст в «Слове о житии и о преставлении» дается автором от своего собственного лица, а не от лица Евдокии, но автор переделки «Повести о разорении Рязани» этого не заметил и перенес его в плач Ингваря.

от очию испуцаючи, яко струю сильную, утробою распалающися, в перси руками бьюци и гласом же яко труба рати поведаючи, яко орган сладко вещаючи» (В. П. Адрианова-Перетц. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского, стр. 94).

²⁶ «Како успе, животе мой драгий... Како заиде, свете очию моею... кому приказываеши мя, солнце мое драгое, рано заходящее, месяц мой красный, скоропогибший (в плаче Евдокии «солнце» и «месяц» — два эпитета, с которыми вдова обращается к умершему мужу, здесь они неудачно разделены)... свете мой светлый, чему помрачилися есте».

²⁷ Эти соответствия указаны в вышеназванной работе В. П. Адриановой-Перетц.

Заимствование выдает и особое место, занимаемое плачем Ингваря в «Повести о разорении Рязани Батыем». В редакции основной Б, дающей наиболее близкий к плачу Евдокии вариант плача Ингваря, последний выделен даже особым заголовком: «Плачь князя Ингваря Ингоревича о брати побенных от нечестиваго царя Батыа» (стр. 317). Плач разрывает текст повести, имеющей без него более цельное строение. Неловкость вставки видна и из того, что плач Ингваря Ингоревича повторяется дважды (один раз при въезде в Рязань, другой раз — на поле битвы) и каждый раз вводится сходными выражениями, заимствованными из «Слова о житии и о преставлении»:

Редакция основная А

И видя князь Ингварь Ингоревич великую конечную погибель грех ради наших, и жалостно возкричаша, яко труба рати глас подающе, яко сладкий арган вещающа. И от великаго кричания, и вопля страшнаго лежаща на земли, яко мертв(стр.295—296).

И видя князь Ингварь Ингоревич велиятрушна мертвых лежаща, и воскрича горько велием гласом, яко труба распалаяся, и в перси свои руками биюще, и ударяшеся о земли (стр. 297).

Весьма сложен вопрос взаимоотношений «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» с «Похвалой роду рязанских князей», читающейся в «Повести о разорении Рязани Батыем». Близость «Слова» и «Похвалы» также несомненна:

«Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (в редакции Новгородской четвертой летописи).

«Похвала роду рязанских князей (редакция основная А)

Сии убо князь Дмитрий родися от благоверну родителю и пречестну, сын князя Ивана Ивановича и матери его великой княгини Александры, внук же бысть православнаго князя Ивана Даниловича, събрателя Руской земли, корени святаго и богом насаженнаго [саду], отрасль благоплодна и цвет прекрасный, и царя Володимера, новаго Константина, крестившаго Рускую землю, сродник же бысть новому чудотворцю Бориса и Глеба; възпитан же бысть в благочестии и в славе, с всяцем наказаннем духовным, и от самех пелен бога възлюбил. Отцю же его великому князю Ивану оставльшу житие света сего и примъшу небесное селение, сии же оставль млад сый, яко лет 9 И приимшу ему скипетр дръжавный земля Руския, на столование земнаго царства, отчину свою великое княжение, по даней ему благодати от бога, чти же и славы, еще млад сы възрастом, но духовных прилежах делесех, пустошных бесед не творяше, и срамных глагол не любляше, а злонаправных человек отвращашеся, а с благыми всегда беседоваше, а божественных писаний всегда с умилением

Сии бо государи рода Владимера Святославича — сродника Борису и Глебу, внучата великаго князя Святослава Олговича Черниговского. Бяше родом христолюбивыи, братолюбивыи, лицем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, к церквам прилежны, на пиrowанье тщывы, до осподарьских потех охочи, ратному делу велми искусны [на недруги велми храбры, половцам грозны²⁸], к братье своей и ко их посолником величавы. Мужествен ум имеяше, в правде-истине пребывах, чистоту душевную и телесную без порока соблюдах. Святого корени отрасли, и богом насаженнаго сада цветы прекрасныи. Возпитан быша в благочестии [милостивы]²⁹, со всяцем наказании духовнем. От самых пелен бога възлюбил. О церквах божских велми печашеся, пустошных бесед не творяше, срамных [глагол не любяща, злонаправных]³⁰ человек отвращашеся, а со благыми всегда беседоваша, божественных писаний всегода во умилении послушаше. Ратным во бранех страшена являшеся, многия враги,

²⁸ Добавлено из редакции основной Б.

²⁹ Добавлено из редакции основной Б.

³⁰ Добавлено из редакции основной Б.

послушааше, а о церквах божних вельми печашеся, а стражбу земли Руской мужеством держаше, злобою младенець обреташеся, а умом всегда съвершен бываше, ратным же всегда в бранех страшен бываше, и многи врагы, въстающа на нь, победи, и славный град Москву стенами чудно огради, и в всем мире славен бысть, яко и кедр в Ливане умножившеся и аки финикс в древесех процвете...

И по браце целомудрено живяста, яко златопрьсистой голубь и сладкоглаголивая ластовица, с умилением смотряху своего спасенна, в чистой съвести, крепостию разума предръжа земное царство и к небесному присягая, и плоти угодна не творяху, аки кормьчи крепок противу ветром волны минуя, направляем вышняго промышлением, и яко пророк на стража божна смотренна, тако смотряше своего царствия...

И се едино повем от житна его: тело свое чисто съхрани до женитвы, церковь себе съблюде святому духу нескверну, очима зряще чясто к земли, от нея же взят бысть, душу же и ум простираше к небесе, идеже есть лепо ему пребывати; и по браце съвокупления тожде тело чисто съблюде, греху же непричастно...

Царский убо сан дръжаша, а аггельскы живяше: постом и молитвою по вся ноци стояше... а во чернечьскыя ризы по вся дни желаше облещися; по вся часы честь и славу от всего мира принимаше, а крест Христов на раму ношаше; божественныя дни поста в чистоте храняшеся, а по вся неделя от святых таин принимаше... а княженне великое дръжаше отчину свою лет 29 и 6 месяцев, и многы труды показа и победы по правоверной вере, яко ни кто же ин...

бояре своя любите, честь им достойную въздаваючи противу служения их, без воля их ни что же творите; приветливи будите к всем... и мужествовах с вами на многы страны, и противным страшен бых в бранех... (стр. 351—357).

Сравнивая «Похвалу» и «Слово», видим, что «Похвала» отличается цельностью изложения, объединена общим ритмом, не содержит элементов «плетения словес», которые временами широко вторгаются в «Слово», логична от начала и до конца. В «Слове» же, в тех его частях, которые сходны с «Похвалой», можно заметить ряд несообразностей. Слова «и царя Володимера, новата Костянтина, крестившаго Рускую землю» не связаны со сказуемым. Не связаны со сказуемым слова «чти же и славы, еще млад сы възрастом». Неловкость эта произошла, очевидно, от приспособления текста, заимствованного из «Похвалы», к новому содержанию. К несообразностям привело в «Слове» и соединение текста «Похвалы» с витийственными распространениями из «Слова похвального Сергию

востаючи на них, побежаша, и во всех странах славна имя имяца. Ко греческим царем велику любовь имуща, и дары у них многи взимаша. А по браце целомудрено живяста, смотряючи своего спасенна. В чистой совести, и крепости, и разума предержа земное царство и к небесному приближаяся. Плоти угодие не творяще, соблюдаячи тело свое по браце [чисто и]³¹ греху непричастна. Государьский сан держа, а посту и молитве прилежаста; и кресты на раме своем носяща. И честь и славу от всего мира принимаста, а святыя дни святого поста честно храняста, а по вся святыя посты причащастася святых пречистых бессмертных таин. И многи труды и победы по правой вере показаста. А с погаными половцы часто бьяшася за святыя церкви, и православную веру. А отчину свою от супостат велми без лености храняща. А милостину неоскудно даяше, и ласкою своею многих от неверных царей, детей их и братью к себе принимаста, и на веру истинную обращаста (стр. 300—301).

³¹ Добавлено из редакции основной Б.

Радонежскому»: «И по браце целомудрено живяста, яко златопрьсистой голубь и сладкоглаголивая ластовица»³².

Связность текста «Похвалы» явно нарушена в «Слове» введением многочисленных биографических материалов (в таблице сличений они опущены), внесением повторных реминисценций из нее в обращение Дмитрия к боярам, витийственными распространениями и т. д. Трижды, и не совсем логично, говорится в «Слове» в выражениях «Похвалы» о целомудренной жизни Дмитрия в браке. Цельность «Похвалы» нарушается и в других отношениях.

Судя по всему, «Похвалу роду рязанских князей» следует признать первичной, а «Слово о жизни и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» вторичным. При этом «Похвала» была использована в «Слове» наряду с другими сравнительно поздними многочисленными источниками³³.

Итак, «Повесть о разорении Рязани Батыем» в части, посвященной похвале роду рязанских князей, повлияла на «Слово о жизни и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». Оформившись, «Слово» в свою очередь оказало воздействие на «Повесть о разорении Рязани», дав начало плачу Ингваря Ингоревича.

К сожалению, недостаточная текстологическая изученность «Слова о жизни и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» мешает сделать более точные выводы, связать их с конкретными этапами в жизни «Слова».

Я не рассматриваю в данной статье влияние «Повести о разорении Рязани» на «Сказание о Мамаевом побоище». Это тема особого, будущего исследования.

Приведенные материалы свидетельствуют о той значительной роли, которую играла «Повесть о разорении Рязани Батыем» в литературной деятельности московских книжников и летописцев первой четверти XV в.

Перед нами один из фактов того оживления интереса к родной старине и национальным традициям, которыми в высокой степени характеризуется конец XIV — начало XV в.

Установленные взаимозависимости позволят в будущем при реконструкции текста «Повести о разорении Рязани Батыем» уточнить взаимоотношение редакции основной А и редакции основной Б этой повести, выбрать более точно варианты и с большим основанием, чем это можно было сделать раньше, исключить из текста «Повести» плач Ингваря Ингоревича.

³² В «Слове похвальном Сергию»: «злат персидьский голубь и пречюдная ластовица». Указание это см. в исследовании В. П. Адриановой-Перетц «Слово о жизни и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», стр. 83.

³³ Литературные источники «Слова» указаны в исследовании В. П. Адриановой-Перетц «Слово о жизни и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», стр. 73—96.— Несомненно, что если бы имела место обратная зависимость «Похвалы» от «Слова», то в «Похвалу» проникли бы некоторые элементы позднего происхождения.
